

ДЕД МИННУР

Заседание правления колхоза подходило к концу. В чистом, украшенном портретами вождей пятиоконном доме члены правления собрались еще засветло.

Тихо угасал день, и сквозь незанавешенные окна медленно вползали сумерки. Они сначала появились за печкой и шкафом, собрались в углах, потом охватили весь дом. Растворяясь в густеющей темноте, постепенно расплывались черты на лицах людей.

Дед Миннур, заменявший уехавшего сегодня в город сторожа правления, зажег десятилинейную лампу. Пламя судорожно затрепетало, затрепетали и тени на стене. Комната озарилась слабым, желтоватым светом. Снова стали видны лица собравшихся людей. У тех, кто сидел ближе к столу, заблестели глаза.

Дед Миннур молча сел на свое место у печки, приподнял уши своего малахая и с интересом стал прислушиваться к говорившим.

На заседании правления он присутствовал впервые. К тому же обсуждался очень важный вопрос, и дед Миннур старался не пропустить ни одного слова. Он слушал, часто прикладывая руку то к правому, то к левому уху, и, про себя развивая мысли выступающих, изредка одобрительно кивал головой, как бы говоря: «Так, так, совершенно верно!», или же, не соглашаясь и словно желая отвергнуть неверное предложение, хмурил седые брови и отрицательно покачивал головой.

Хотя выражение лица деда Миннура часто менялось, но во всем его поведении, даже в том, как он си-

дел на скамейке, было что-то неизменное: это чувство полного удовлетворения, спокойной и гордой радости за все, чем отмечена его светлая, как ясная осень, старость. Он искренне радовался тому, что правление обсуждало важные вопросы, и был очень доволен, что на него, деда Миннура, не члена правления, а простого сторожа колхозного огорода, смотрят с большим доверием. Дед Миннур молчал, но в душе он считал себя полноправным участником заседания. Правда, ему казалось, если бы он и принял активное участие в обсуждении, то все равно ничего путного не сказал бы, так как ему никогда не приходилось выступать перед народом.

А здесь, в правлении, решаются важные дела. Вон за столом, строго нахмуря брови и желая казаться старше, сидит председатель Герей. Несмотря на молодость, его грудь украшена наградами. Когда Герей делает резкое движение, медали, ударяясь одна о другую, издают мелодичный звон, похожий на звон чулпы¹ в косах молоденьких девушек.

Вот в первом ряду на табурете, в накинутом на плечи белом пуховом платке, словно цветок медуницы, украшая заседание, сидит бригадир Хадича. Недавно ее портрет был в газете: Хадичу хвалили и призывали бригадиров района перенимать ее опыт. Кто знает, быть может, ее ставили в пример бригадирам всей Татарии. Дед Миннур любил эту деловую, степенную девушку с открытым лицом.

Рядом с ней в черной суконной шубе важно сидит старик Калимулла. Он тоже пользуется в селе всеобщим уважением. Калимулла — опытный пчеловод, у него золотые руки, за что ни возьмется, все спорится.

Так и любой, в кого ни ткни пальцем. Говорят складно, нанизывают слово к слову, будто веревки выют. А что дед Миннур? Дед Миннур в старой, пожелтевшей шубе, подняв уши малахая, сидит у печки, слушает, о чем говорят другие, и не сводит глаз с лампы. Ему поручено присматривать за ней, а она, проклятая, нет-нет

¹ Чулпа — серебряная бляха, вплетаемая в косы.

да и мигнет, будто вот-вот погаснет, того и гляди подведет.

Дед Миннур славился своей аккуратностью. А тут такой конфуз!

...Выступал председатель:

— Итак, товарищи, кустарная артель «Сани» без разрешения колхоза скосила шесть гектаров нашего луга. «Сани» не только с колхозом, но даже с нашим селом ничего общего не имеет. Она расположена от нас на расстоянии пятнадцати километров, а вот под самым нашим носом луга косит. Кто же виноват? — спросил он и, как бы в поисках виновного, обвел глазами всех присутствующих, но, не найдя, продолжал: — Тот же Галимуллин. Но вы ведь сняли его еще до моего приезда. Не так ли?

— Так, — сказал пчеловод Калимулла, привстал и вновь сел на место. Он всегда, когда задавали неприятные вопросы, привставал и вновь садился.

— А вы, члены правления, что же смотрели? — спросил председатель.

За всех ответила Хадича:

— Он отдал луга артели, чтобы те сельсовету кошевку сделали.

— Ну и как, сделали?

— Нет.

— Вот видите, даже не сделали! — сказал председатель и, как бы желая убрать со стола ненужные вещи, резко повел рукой. — Даже не сделали! А если бы и сделали, то не колхозу, а сельсовету. Сельсовет сам должен был помочь нам укреплять колхоз, беречь, как зеницу ока, его собственность. А в данном случае он поступил наоборот. Так ведь получается, как вы думаете, а?

Никто на это не ответил. Только сторож Миннур с очень серьезным видом утвердительно кивнул головой.

— Ну, так как же поступить? — спросил председатель.

— Как поступить? — повторила Хадича с видимой досадой и резко поправила платок. — Надо дело передать в суд — пусть вернут сено.

— Согласимся с этим предложением?

— Согласимся!— подтвердили все присутствующие. Председатель склонился над бумагами, отчего издали на его груди вновь издали приятный звон.

Дверь широко распахнулась, и с порога раздался крепкий, басистый голос:

— Можно?

Председатель поднял голову и, подумав секунду, произнес:

— Войдите!

Дед Миннур, еще не слыша голоса входившего, по тому, как распахнулась дверь, решил, что это, должно быть, печник, хромой Шарифулла,— только он один в селе так широко раскрывал двери. И на самом деле вошел Шарифулла.

— Здравствуйте! У вас здесь, по всему видать, совещание. Может, и входить нельзя?

Но, не дожидаясь ответа, он, слегка прихрамывая на правую ногу, смело прошел к печке. Дед Миннур подвинулся, уступая печнику место, и тот, вытянув больную ногу, занял большую часть скамейки.

В этом скуластом, смуглолицем, широкоплечем пятидесятилетнем человеке, во всех его движениях, в голосе, даже в привычке широко распахивать двери чувствовались самоуверенность и решительность.

Сдвинув шапку с меховой опушкой на затылок, он стал прислушиваться к словам председателя.

В сравнении с могучим, статным Шарифуллой дед Миннур, у которого не только голову, но и брови запорошило сединой, будто снегом, со впалыми желтыми щеками, остроносый, с реденькой бородкой, выглядел маленьким и жалким. Только уши его малахая со свисающими, длинными шнурками торчали вверх, как бы выражая протест против этого неравенства.

Шарифулла был таким человеком, который даже на хромой ноге прямо и твердо шагал к намеченной цели. Сегодня он узнал, что будет обсуждаться вопрос о нарушениях устава в сельхозартелях. Правда, никаких видимых причин для прихода на заседание правления колхоза у него не было, но он полагал, что имеет право распахнуть любую дверь до самых косяков. Он — един-

ственный печник на селе. В каждой избе печь сложена им, Шарифуллой, каждый кирпич прошел через его руки. Он знает все тайны этого древнего, с первого взгляда простого, а на самом деле тонкого ремесла. Стоят, скажем, две печки, будто сестры-двойняшки, поди разберись, которая из них лучше, а топить станешь — сразу поймешь: одной два воза дров на зиму с лихвой хватит, а другая десять возов сожрет и тепла держать не будет.

— Печь сложить — что часы починить, одна механика, — говаривал Шарифулла.

Правда, он не использовал свое умение в корыстных целях, по крайней мере в последние годы, но в молодости кичился своим умением класть печи. Теперь же, видя, как все ценят его искусство, Шарифулла испытывал законную гордость.

Причин для прихода на заседание у Шарифуллы не было. Но что значит причина! Можно сто причин придумать. Вон председатель колхоза Герей ставит на средней улице шестистенный дом из желтых, словно янтарь, бревен. Он уже несколько раз заводил с Шарифуллой разговор о печке для нового дома, расспрашивал, сколько потребуется кирпича, глины, песку. Разве нельзя еще раз поговорить об этом здесь, в правлении колхоза? Можно, конечно. Или вон там, в сторонке, сидит старик Калимулла. Ему тоже надо печку исправить; при каждой встрече приглашает, но Шарифулла все не удосужится зайти. Сейчас он, пожалуй, нашел бы время и посмотрел печку. Разве это не причина? Очень хорошая причина!

Однако явился Шарифулла в правление не за этим. Он услышал, что рассматривается вопрос о приусадебных участках, и понесся по селу, будто сухой лист, подхваченный ветром. Председатель проверял по списку приусадебные участки колхозников. Дошли и до участка Шарифуллы. Тот поморщился и нахмурил брови. Но председатель перешел уже к следующему участку. Шарифулла повеселел.

После трех-четырех десятков имен вновь дошли до участка Шарифуллы, вернее — до участка его старшего сына Ахмета, работавшего в городе на заводе. Шари-

фулла вдруг почувствовал, как громко колотится у него сердце.

Председатель, не отрывая глаз от списка, на секунду умолк. Шарифулле показалось, что он думал слишком долго. Старик Калимулла, словно намереваясь сказать что-то, привстал и снова сел на свое место; он быстро расстегнул пуговицы своей шубы и вновь застегнул ее. Бригадир Хадича удивленно перевела взгляд с председателя на Калимуллу. Дед Миннур сосредоточенно глядел из-под насупленных бровей на лампу, на огонек, который томился под стеклом.

Наконец председатель перешел к другим фамилиям, и Шарифулла, облегченно вздохнув, подумал: «Слава богу, прошло спокойно!»

В результате проверки списка владельцев приусадебных участков было выявлено, что три колхозника имели более гектара земли сверх установленных уставом норм и две семьи, еще десять-пятнадцать лет тому назад выехавшие из колхоза, живя в городе, до сих пор продолжают пользоваться приусадебными участками.

Члены правления приняли решение вернуть эти земли в общий фонд колхоза.

Когда все вопросы были решены, председатель, хлопнув ладонью по сложенным на столе бумагам, произнес:

— На этом кончаем, товарищи. Вопросов нет?

Вопросов не было. Председатель уже хотел закрыть заседание, как вдруг от печки раздался голос деда Миннура:

— Герей, родной, мне можно будет два-три слова сказать?

Все присутствующие удивленно повернулись в его сторону, потому что никогда, ни на одном собрании, дед Миннур не подавал голоса.

— Что же ты хочешь сказать?— спросил председатель, широко улыбаясь.

Дед Миннур с места не поднялся, только поправил шапку, будто боясь, что она свалится с головы.

— Герей, говорят, ты на фронте был знатным снай-

пером. Скажи-ка, правда это или нет? Хотя, если судить по твоим наградам, то правда...

— Правда,— тихо ответил Герей. Он не мог понять, к чему этот вопрос.

— Может быть, может быть. Спасибо тебе, сынок! И покойный твой отец на всю округу славился как охотник. Бывало, одной дробиной птицу сшибал, мир его праху.

Дед Миннур склонил голову набок и, потрогав тощую свою бородку, хитровато спросил:

— Как же вы там, Герей, родной, по видимому врагу стреляли или по невидимому?

— Известно, по видимой цели,— сказал Герей. Сейчас на его лице было уже не удивление, а некоторая гордость.

— Значит, по видимой цели! И я так же думал.— Дед Миннур, сдвинув шапку на затылок, блеснув глазами, поднялся со скамейки.— А здесь, в колхозе, ты, Герей, оказывается, как раз наоборот поступаешь. Очень метко бьешь по невидимой цели, а по видимой — нет.

— Дед Миннур, не задерживай народ, дорогой расскажешь,— сказал кто-то из членов правления.

Дед Миннур строго взглянул на него.

— Ты, милочка, помолчи. Нам в молодости говорили: «Слово — серебро, молчание — золото». Я это к чему говорю: вы здесь зачитывали очень важное решение нашего правительства, в этом решении — наши слова, слова колхозников. Очень правильные слова! Там сказано, что надо ударить по рукам тех, кто разбазаривает колхозное добро. И вы ударили. Большое спасибо вам за это! Но, родные мои, если уж бить, так бить по всем, у кого рыльце в пушку. Для примера возьмем хотя бы Шарифуллу. Почему ему кусок пирога в зубы, а мы — облизывай губы? Он пользуется двумя приусадебными участками. А если еще поищем, то и у других найдем...

Такого оборота Шарифулла никак не ожидал. Вначале он слушал деда Миннура с явным одобрением, а потом, когда понял, что речь идет не столько о председателе, сколько о нем, он так озлился, что его черные глаза сразу сделались круглыми.

— Ты думай, что болтаешь! Второй участок не мой,